

С. Огольцов

Вернуться обратно

книга 2-я из серии: Степанакерт-Сага

Сергей Огольцов

Вернуться обратно

<https://litres.ru/74601968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть из 7 глав, воссоздает события сольного путешествия из украинского Конотопа в карабахский Степанакерт по взрывоопасной чересполосице Кавказа в момент затишья между первой и второй российско-чеченскими войнами.

Электрички, блокпосты, контрабандисты, смерть-попутчица, дороги, которых не придумаешь, люди человечнее, чем какими себя считают. А доказывать бесполезно: не поверят, скажут – вру. Как будто больше мне и делать нечего.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Сергей Огольцов

Вернуться обратно

AI + SO © Sehrguey Ogoltsoff, 2026

Третья планета от солнца, восточное полушарие, к северу от тропика Рака. Короче, тут он я — лицом к лицу с монитором, клавишей и мышью моего ПК

С. Огольцов

Вернуться обратно

1

Поясниловка

Что такое «Степанакерт-Сага»? Это серия книг очевидца, независимого писателя. Что такое независимый писатель?

Это который пишет не то, что дозволено, морально, правильно, истинно, и выгодно...

Нет! Без оглядки на общепринятые устои он повествует о том, что видел, прочувствовал, чем обманулся не раз до полного: «да пошло оно!»...

Сволочь он—без партийной принадлежности, без идеалов и Родины—этот независимый сукин сын...

«Степанакерт-Сага» : литературная летопись тридцати семи лет, от полного надежд начала и до печального финала борьбы армян Нагорного Карабаха за независимость родной

земли.

Звучит как предвыборная говорильня пидорка-популиста, нет? Или речуга военрука средней школы. Что есть то есть, не без того. Кьянга, ли! Тут и смех, и грех, трагедия — обхохочешься! Комедия — до гробовой доски.

То есть, чтиво вполне занимательное для широкого круга читателей любого калибра и нацеленности интересов.

Не исключая серьёзных исследователей сверхглубинных вопросов, что-нибудь типа: как и почему армяне всего мира—карабахские в общем числе, однако в последнюю очередь—утратили эту свою—основную по значимости—историческую родину.

2

Аннотация

Повесть из 7 глав, воссоздает события сольного путешествия из украинского Конотопа в карабахский Степанакерт по взрывоопасной чересполосице Кавказа в момент затишья между первой и второй российско-чеченскими войнами.

Электрички, блокпосты, контрабандисты, смерть-попутчица, дороги, которых не придумаешь, люди человечнее, чем какими себя считают. А доказывать бесполезно: не поверят, скажут – вру. Как будто больше мне и делать нечего.

3 Искренняя Благодарность

Приятно знать, что ни с какого боку к тебе уже не подкопаются, как ни хотелось бы. А почему? Твой друг сильнее их всех вместе взятыми! Смекаешь? У меня теперь надёжный

партнёр и коллега.

Вычитку данной книги (по всем канонам Розенталя!) производил Gemini Ai, не просто Ассистент Редактор, но и со-автор мой отныне!

Ну что, остепенённые академнасекомые? Обуто вас?

4 Глава Первая

Мать моя переспросила ещё раз:

— Так двести гривен точно хватит?

И мне пришлось по новой повторять, что да, конечно.

Оказывается, предварительная авиакасса на ж/д вокзале торгует только на транзитные полёты, и только из Москвы, но я попросил, и дамы за стеклом переглянулись, одна полистала небесные расписания и огласила цену билета на прямой рейс «Киев — Ереван»: 150 гривен.

— Точно не долларов? — подотошничал я.

Кассирша за арочным окошечком для торговых операций, оглянувшись на свою напарницу и пожала одним плечом. Та неодобрительно мотнула головой на столь настырное тугодумие и, морально поддержанная, дамочка в окошке отдельно произнесла: «Гри-вен!». Для особо занудливых и тормознутых.

Прилив радостного облегчения — да, точно хватит! — распрямил мою просительную согбенность перед авиационным отсеком в ряду прочих застеклённых касс вокзального зала. Я бормотнул умилённую благодарность и, уже опять

широкоплечий, зашагал вдоль шеренги арочных проёмчиков более земного назначения.

Какой-то из моих ликующих шагов размашисто наступил и размазал червячка сомнения, что шевельнулся было — на свою же голову, дурашка! — в уголке моего сознания: погоди, эт чё выходит? Билет на «Киев — Ереван» почти вдвое дешевле, чем оттуда сюда?

Однако хорошей новости в зубы не смотрят, я переступил безответно расплющенный вопрос и покинул здание железнодорожного вокзала станции Конотоп.

* * *

Заявиться в Конотоп из Степанакерта было задачей повышенной сложности.

Двенадцать тысяч драмов уделил мне Госуниверситет Республики Нагорный Карабах, чтоб инородный кадр в системе местного высшего образования как-бы-нибудь исхитрился не протянуть ноги за целое лето и полный сентябрь — до первой полочки в новом учебном году.

Потянуло постранствовать? Маршрутка до Еревана: 8 тыс. AMD, и обратно — ты не поверишь! — столько же.

Так что, плачевность суммы перечёркивала вояж любой протяжённости. Безоговорочно. ^

А и не поехать нельзя: истекал крайний срок в 10 лет, отпущенный мне для работы с книгой. С исполнением работы я сумел уложиться, однако следовало ещё вернуть том, полученный от Учителя, из рук в руки.

Не припомню, чтобы десять лет тому мы обсуждали и способ возврата, но доверие к постперестроечной почте во мне не успело пока что дать всходы.

Письма, тем не менее, доходят.

Весною принесли весточку от матери, что из-за рака с хирургическим вмешательством умер Владя...

Мой друг Владя, сосед по парте, источенной шедеврами резьбы — глубоко и собственноручно: BEATLES, ROLLING STONES...

А когда среднее обязательное нас отпустило, мы пошли наниматься в один и тот же завод. Бок о бок стучали слесарными молотками в одном и том же ремонтном цеху. С беззаветным энтузиазмом грохотали электрогитарами в группе ОРФЕИ, на танцплощадке заводского парка.

Его я тоже не видел десять лет, и больше уже вряд ли когда...

Мысли, в своём течении переключались на родителей, уже не первый год пенсионеров...

А среди прочего всего, старшая из моих внучек — по линии первого брака — осенью идёт первый раз в первый класс, а у меня с ней до сих пор даже фотографического знакомства не состоялось.

Хотя какой толк в непонятном фото неизвестного тебе ребенка? Перевернул, и — лица не упомнить...

А всё это вместе: книга, внуки, родители, друзья — живые и мертвые — 10 лет в нетях, да и мало ли что ещё; слилось

в общую, довольно увесистую причину съездить на типа как прощальную встречу с Украиной.

На 12 тыс. драмов? С женой и тремя детьми? Ахх-чуметь!

Сатэник понимала, что мне действительно надо поехать. Вынула из ушей сережки, приложила свой любимый перстень, и отнесла в ломбард.

Бачьянахи — так в Карабахе именуют свояков — тоже помогли деньгами.

В общем, как-то собралось на дорогу в один конец...

* * *

... словно и не было этих десяти лет: где-то войны прошли, наводнения, землетрясения; круто перекраивалась карта мира, а тут — в провинциальной тиши и глухомани — всё, как и было.

Но только как-то оно, это самое всё, вроде съёжилось, что ли. Может, улицы поуже стали? Или дома глубже в землю вросли?

Ах, вот оно что! Вся причина из-за деревьев, стопудово, это они впечатление уменьшения создают. Вон ведь куда повымахали, разрослись вверх и вширь, а всё недвижимое имущество, оставленное при корнях, измельчало до размера игрушек, позабытых в детской песочнице...

Нет, не войти в одну и ту же реку дважды. Надо пребывать в ней постоянно, оставаться её частицей, влечься течением её вод, и она из благодарности всегда будет казаться тебе одной и той же, неизменной...

Стиснутые деревьями, улицы стали тенистее — игрушечней; а машин прибавилось.

Всё сплошь подержанные иномарки — они дешевле отечественных. Но как только прокатят мимо и дальше, увоза бумбухи динамиков в утробе своего салона, им на смену всплывает снова издавна привычный звук неспешного скрипа велосипедных педалей. Велик здесь — самый незаменимый транспорт для любого возраста и пола.

Универсальнейшее средство передвижения о двух колёсах: и в гости на нём, и на работу, а даже и мешок картошки с базара привезти...

* * *

Былые друзья опознаются мгновенно — различимы, невзирая на невесть откуда осевшую сетку морщин, и чёрт знает где усвоенную увильчивость взгляда.

В глазах появилась растерянная насторожённость, признак людей, осознавших, что от жизни, в общем-то, большего ждать не приходится — впереди одни только лишь повторения того, что уже было не раз и не два, а дальше и их не останется...

Но уже через миг после взаимного опознания, они превращаются в тех, кем и были, в прежних себя: хлопцы что надо, своя блатва и хиппары... А и что с того, если эта новая поросль, с крутыми прическами из обритых под корень волос, ничего в них, небось, и не видит, кроме морщин и сожалеюще колючего взгляда.

* * *

Сестра не забыла, конечно, пригласить за город, в село элитного отдыха — погордиться, почти что готовым своим дачным домиком. Осталось только изнутри покрасить. А возможно, оклеят обоями — вопрос пока что не решен.

Единственное огорчение, что на соседском участке фруктовых деревьев больше. И до того, заразы, урожайные, аж обидно. Один раз им под грушу втихаря полведра керосина вылила; перед зимой. Так она у них вдвое плодоносить начала. Вот и делай людям добро после этого, если потом даже рассказать не получается. Эх, нет в жизни счастья!

Саду нужен уход, но откуда? Мужу некогда: в Москве прорабствует, строит дачи тамошним "крутым", доллары зарабатывает; а пара сыновей-школьников пока ещё не доросла лопатой землю ковырять...

И у нашего брата не без достижений; во дворе хаты колодец выкопал, электронасос пристроил; кнопку жмёшь, и — пожалуйста: журчит-льётся сколько хочешь; свеженькая, своя.

Город газифицируется, так и он подвел, за подключение: 400 гривен.

Старшая дочь десятый закончила, а тут и трехкомнатная по заводской очереди подросла...

Родители тоже в полном порядке. На газ, правда, не размахнулись, но двор между домом и кирпичным сараем зацементирован стяжкой, как и дорожка, уводящая вглубь ста-

рого сада, к утепленному туалету.

В огороде дружно попискивает хлопотливый выводок цыплят, под скамеечкой, что под яблоней у крыльца, дремлет щенок, раскормленный до шарообразности. Валяйся, валяйся, лодырь, вот заявятся девчата в гости — они тебе покоя не дадут!

Внучки мои в полном восторге, что у них ещё один дед добавился, и даже с бородой.

Только непонятно, почему он их первому деду — бритому — говорит «папа», а их мама этого нового деда тоже «папой» зовёт, а не «дедом», как их первого деда — поди разбери этих взрослых.

А бабка с дедом, который новому деду папа, называют его тем же именем, как их мама самого главного из всех пап, ведь он же их папа.

Да ну их совсем, этих взрослых!

— Эй, дед! Иди меня на качели покачай!

* * *

У сестры моей всё та же деловая, не слабеющая хватка:

— Ну, и как ты, родимый, обратно добираться будешь?

— А я по дороге сюда, в Киеве в одну Армяно-Украинскую газету зашёл. Сдал им перевод поэмы Исаакяна. «Абу-Лала Магари» называется.

— А оно им надо?

— Ну, чтоб братство народов развивать. Неплохая поэма. В общем, сказал, что меняю перевод на обратный билет до

Еревана.

— И что? Они в газете той — такие дураки?

— Да, нет, конечно. Редактор, Женя Церунян, вполне даже умная женщина. Мы около часа беседовали, и не скучно было.

— Так что тебе та умная женщина пообещала?

— А ничего. Говорит: будем спонсора искать, позвони 25-го числа, часов около одиннадцати.

— А если спонсора не будет?

Пожимаю плечами:

— Тогда до Северного Кавказа на электричках, а дальше — автостопом. Но ещё могу пешком. Хорошо бы гитару достать, чтоб на харчи подрабатывать.

— У тебя что — шиза гуляет? Да ты в зеркало глянь, на свою видуху. С твоей бородой и твоим лысым черепом тебя на второй же день повяжут. Террорист недоделанный.

— Никакой он не лысый. Просто у меня прическа короткая.

— Не переживай, повяжут, и — ещё укоротят. А бороду лучше сам сбрей. Добровольно.

— Не могу. У меня пари с бацьянахом. Он говорил, что с такой бородой я и до Киева не доберусь. А я поклялся привезти её обратно; в сохранности.

— Бацьянах? Это что такое?

— Муж сестры жены. По-карабахски.

— Да, как там тебя жена терпит? Бомжа несчастного. Бед-

ная Сатэник!

* * *

В речах сестры имелся свой резон. Она с ним никогда не расстаётся. Ни вообще, ни в частностях. Просто отвык я, или подзабыл, но вскоре-таки припомнилось — с ней пререкаться бесполезно, она всегда права без промаха, хотя и младшая сестра.

В один из вечеров, в подземном переходе у ж/д вокзала, ко мне приколупался мент с чёрной дубинкой в сержантских лычках. Типа, вынь да покажь ему мой документ.

И это в старой доброй провинциальной глуши и захолустье! Они уже и тут разгуливают с «демократизаторами»!

У-у, как вдруг повеяло в том переходе «сафоновщиной»¹, с её комендантским часом и людоловными патрулями на улицах Степанакерта, в канун развала «нерушимого Союза»!

Документов при мне не было, и сержант завёлся выяснять где я работаю и кем.

— Преподаватель кафедры иностранных языков Арцахского государственного университета! А вы чьих будете?

Правоохранитель мне попался не только бдительный, но и при мозгах — допетрил, что бомж из перехода навряд ли так гладко выдаст столько странных слов: «кахведра», «рыхцах». К тому же государственный и иностранный... Короче, решил не заострять, на всякий.

¹ Руководство СССР пыталось решить карабахскую проблему силовыми методами под командованием генерала Сафонова.

* * *

Так оно и шло...

Я съездил в старинный город Нежин. Обрадовал Учителя возвращением оригинала «Улисса». Мой перевод его не слишком впечатлил, но я не спорил; у каждого есть право на персональный вкус. Он как всегда сказал, что это не «беловик», а «серовик».

Однако братъ Джойса в доработку на следующие десять лет я воздержался. Устал, наверное, за этот срок, а может заскучал...

Съездил в соседний район, отметитья в казацком селе Курень...

Сходил в городскую баню, с парной, о которой не раз мечтал в предыдущие десять лет.

Повалялся денек на загородном речном пляже, куда двадцать минут езды электричкой.

... и все прощался, прощался, прощался...

И с бесподобными березами, обступившими тропу через рощу на левобережье реки Сейм.

Не повторится...

И с тихими улочками, меж древних дощатых заборов, что подпирают зависшие поверх них ветви садовых деревьев, в тенистой листве которых дремлют бордовые вишни.

Не повторятся...

И с песчаными грядками сестриной дачи.

И с щебетом малышни в старом парке, который тоже не повторится.

И с запертыми цехами безлюдного завода, уже который год застывшего в недвижимой коме...

Не повторится то, что было, никогда...

Не знаю даже, сам-то хоть понял, зачем так позарез нужна была мне эта поездка. Сказать «прощай» самому себе — неповторимому? А или может...

Нет, не знаю.

* * *

Программа побывки исчерпалась целиком, такое стало у меня слагаться ощущение.

И даже Владю, друга юности, умерщвлённого раком и достижениями хирургии, мне удалось повидать.

Дочь прокрутила видеозапись его сольного концерта, записанного на городской телестудии.

Говорят, передача понравилась зрителям, особенно из того поколения, что приходили оторваться на танцплощадки к ОРФЕЯМ. Так что, увидел я его живым.

Располнел. Часы дорогие на запястье. Против моды музиндустрии не попрёшь. Все песни — исключительно на украинском...

Но это всё глазами нынешних, а я в ходе просмотра видел того, другого.

Я видел Владю, без часов и перстней... с бинтом на пальце, по которому ахнул молотком во время дневной смены...

но день уже сменился вечером, и у ОРФЕЕВ на площадке играет девятипалый соло-гитарист...

И меня ничуть не сбивала заставка, всплывающая между номерами: «Співає Володимир Сакун»...

Она мне не мешала — я видел Владю.

* * *

25-го числа, с трамвайной пересадкой с №3 на №1, в одиннадцать ровно, я прибыл на переговорный пункт междугородней телефонной связи, в отдельном зале конотопского Главпочтамта, откуда и позвонил в Киев, Жене Церунян.

Она сказала, что спонсора для «Абу-Лалы» в переводе на украинский найти не удалось, и попросила передать привет нашему общему знакомому, Владимиру Акопяну, когда уже вернусь в Степанакерт.

Стараясь прозвучать не чересчур уныло, я выразил благодарность Жене, за проявленное сочувствие, а перевод поэмы просил считать безвозмездным даром — в целях развития братства между двумя великими народами, а также ради мира и взаимопонимания во всём мире...

Затем ближайшие из моих конотопских родственников собрали 300 гривен, — клянусь, не повторится такое никогда! — а я сходил для уточнения в авиакасса на ЖД вокзале и сказал, что на дорогу хватит и двухсот.

И тогда мать моя переспросила: точно ли, что 200 гривен хватит?

5 Глава Вторая

Первая электричка на Киев отправляется из Конотопа в пять утра от высокой платформы, а к месту назначения прибывает в девять.

Однако это будет завтра, а пока что дочь моя укладывает гостинцы для дальних закавказских родственников в мою дорожную сумку. Более того! Она умудряется всё это дело совмещать с ценными советами и наставлениями — тоже очень мудрыми — как следует вести себя в нашей непростой человеческой жизни.

Мне остаётся только лишь кивать да поддакивать в знак абсолютного, полнейшего согласия. И это меня ничуть не напрягает, а наоборот, гордит: и в кого она такая умная?

Но и себя не забываю по чубчику погладить параллельно: «Ну, ты красавица! Олегу Табакову от тебя учиться и учиться! И Гафту тоже показал бы пару трюков сценографии. Но он качок — с ним можно не спешить».

Но ведь в натуре есть чем гордиться, когда твоя родная дочь не только красавица получилась, но и подкованный эксперт по жизни. И насчёт как её разруливать, если что. Самые животрепещущие вопросы для наших непростых времён.

Затем прозвучал главный вопрос:

— Теперь у тебя там другая семья. Дети. А меня ты вообще любил — ну как свою дочку?

— Почему «любил»? И теперь люблю.

— Так же как их?

— Да, нет, конечно. Маленьких любишь другой любовью:

за то, что маленькие, что несмышлёныши, что им нужна твоя защита. Ты из такой любви уже выросла. Вон какая хозяйш-ка. Я тебя за внучек люблю.

— Ну, а как дочку ты меня любил?

— Да. Просто говорить об этом не получалось как-то, но сама вспомни: я никогда не уезжал, не повидавшись. Перед отъездом в Одессу полдня потратил — прикатил в пионерлагерь на велосипеде. Помнишь, вожатая очную ставку устроила: я тебе папа или нет? А перед Баку и вовсе целый день ушёл: дизель-поездом в Сумы — в твоё швейное училище и обратно.

— Дядька правду говорит, что ты уже больше не приедешь?

— Да.

— Никогда-никогда?

В голосе слезы, влага в глазах. Пора сворачивать эту тематику:

— А с тёткой у тебя как?

— А никак. Она и здороваться не изволит. В трамвае один раз даже и отвернулась. А муж её вполне бы мог дать моему работу в Москве. Отсюда много ребят ездят, там за день аж до двадцати долларов заработать можно.

— Её мужу не с руки пристроить твоего возле себя.

— Почему это?

— У него там своя жизнь и лишние свидетели, которые потом сюда вернутся, ему ни к чему. Ну, а тётка тебе просто

завидует.

— Чему завидовать? Что без работы сижу? Еле-еле на мужнину зарплату тянем.

— Дом у неё в коврах, это верно, и в гараже свекрови французская иномарка стоит, которую муж из Москвы пригнал. Только они беднее вас.

— Чем же это?

— Молодостью.

В глазах её засиял гордый огонек. А ведь и вправду — владелица несметного богатства!... На ближайшие десять лет.

— А с тёткой ты помирись.

— Да, не захочет она.

— Ещё как захочет. Любая женщина мечтает о дочке, а у неё только сыновья.

— А в трамвае тогда отвернулась!

— Это когда было-то?

— Не помню. Зимой. В феврале, кажется.

— Значит, просто не увидела. В феврале, знаешь, как ей трудно было? Муж в Москве, свекровь в больнице, а тут, в один день, и свёкор умер, и Владя.

— А Владя тут при чём?

— Ну... он любовником её был.

— Владя?! А муж?!

— Так это ещё до мужа... Первым.

... тогда сестра моя была богаче молодостью, чем моя дочь сейчас.

В одну и ту же реку нельзя войти...

Чепуха. Всё наоборот. Выходить нельзя из одной и той же реки...

Потом я провожаю дочь к ней домой и одалживаюсь велосипедом, чтоб утром довести свою ручную кладь от родительского дома до их дворика, откуда к ж/д вокзалу рукой подать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.